

Дом Ань Сяопина, пристроившийся у самого подножия горы Гуаньинь, стоял совсем рядом с утренним рынком. Если срезать путь по неприметной тропинке, неспешный шаг занимал от силы минут пятнадцать.

Небо еще только начинало бледнеть, окутанное предутренними сумерками, а на старейшем базаре Юнцина уже один за другим вспыхивали тусклые огоньки.

Первыми просыпались крайние лотки с завтраками. Их работающие хозяева поднимались ни свет ни заря, часа в два или три ночи, чтобы успеть все подготовить к приходу первых покупателей.

Местные лавчонки ютились здесь испокон веков. Никаких кричащих вывесок — крошечные, едва ли больше каморки, с облупившимися дверями и наспех расставленными разномастными пластиковыми стульями. Стоило закипеть чанам, как над рынком с глухим шипением вздымались клубы пара, и воздух мгновенно наполнялся густым, дразнящим ароматом свежей выпечки, жареного теста, наваристых бульонов и рисовой каши.

В самом начале переулка аппетитнее всего пахло от палатки с фритюром. Цзян Тинчжоу взял там золотистый хворост-ютяо и плоский пирожок с креветками. Радужный хозяин тут же заговорщически подмигнул и предложил:

— Возьмите еще пирожок с таро. Клубни — первый сорт, жена сама на рассвете отбирала! Пальчики оближешь, гарантирую.

— Ну давайте и его, — согласился Тинчжоу.

Получив свой заказ, завернутый в промасленную бумагу, он обнаружил, что лавочник не поскупился и выбрал самые пухлые пирожки. В утренней прохладе горячая, сочащаяся маслом сдоба приятно согревала пальцы.

Он перебрался на другую сторону улицы к палатке с тофу, примостился за шатким столом и заказал чашку нежного соевого пудинга — доухуа. Подперев подбородок ладонью, Тинчжоу погрузился в подсчеты своих сбережений.

«Так, сколько у меня сейчас за душой?» — прикрыл он глаза, мысленно перебирая банковские счета.

Семнадцатилетним подростком он пошел в ученики на кухню и пахал без продыху пять лет. К своим двадцати двум годам ему удалось скопить чуть больше миллиона юаней.

После того как он бросил школу и разругался в пух и прах с родителями, он принципиально не взял у семьи Цзян ни единого фэня. Каждая монета на его счету была заработана собственным горбом.

Сумма по меркам его круга казалась смехотворной. Хоть Тинчжоу и оставался законным сыном владельца корпорации Цзян, в ресторане «Императорский пир» он начинал с самых низов и прошел путь до шеф-повара на общих основаниях. Жалование и бонусы ему выплачивали строго по среднему рыночному тарифу, порой даже чуть урезая. В этот заветный миллион вошел и денежный приз за победу в кулинарном шоу на Центральном телевидении. Поскольку Тинчжоу почти ничего не тратил на себя, львиную долю доходов удавалось откладывать.

Пожалуй, самой крупной его тратой за последнее время стали швейцарские часы стоимостью больше двухсот тысяч юаней — подарок бывшему возлюбленному. Сейчас они наверняка красовались на запястье Лу Байюя. Впрочем, подарки назад не просят, глупо было бы требовать их обратно.

Пока он размышлял, осталось ли у него хоть какое-то ценное имущество, перед ним поставили пиалу с доухуа. Над белоснежной поверхностью поднимался густой пар — есть следовало немедленно, пока не остыло.

В Юнцине кулинарные пристрастия отличались редким разнообразием. Из-за обилия приезжих здесь не признавали строгих канонов: кто-то любил сладкий соевый творог, кто-то — соленый. Все необходимые заправки и соусы стояли прямо на столах, позволяя каждому творить по собственному вкусу.

Тинчжоу предпочитал соленый вариант. В этой лавке пудинг до сих пор готовили вручную, отчего он выходил невероятно нежным и так и таял на языке. Фирменная заправка хозяина была незатейливой: капли соевого соуса, горсть рубленого зеленого лука и сушеные водоросли нори. К блюду полагалась еще пикантная закуска из маринованных овощей. Легкий солоновато-пряный соус лишь подчеркивал глубокий, бархатистый аромат свежих соевых бобов.

Первая ложка скользнула в рот, даря блаженное тепло. Золотистый хвост-ютяо успел немного остыть, избавившись от обжигающего жара фритюра. Тинчжоу подхватил его палочками и откусил: раздался упоительный хруст румяной корочки, под которой скрывалась воздушная, пористая мякоть. Вприкуску с пресным соевым пудингом жирное тесто шло удивительно легко, не оставляя чувства тяжести.

Тревожные думы, одолевавшие Тинчжоу с самого пробуждения, мгновенно отступили, стоило ему распробовать первый кусочек. Все его внимание без остатка поглотила эта простая, но божественная трапеза.

Он чередовал хрустящий хвост с нежной мякотью пудинга, перемежая их сочной зажаристой лепешкой с креветками.

В отличие от пышного ютяо, креветочный пирожок представлял собой плоскую, идеально круглую галету, хранившую в себе концентрированный вкус. Юнцин находился далеко от побережья, поэтому начинкой служили крошечные пресноводные рачки из местных речушек. Маленькие, но удивительно ароматные, они покрывали лепешку плотным слоем. Обжаренные

до звонкого хруста креветки вместе с горячим тестом взрывались во рту фейерверком насыщенного вкуса.

Однако истинным кулинарным откровением для него стал обычный пирожок с таро, купленный по совету хозяина.

Клубни оказались превосходными. В отличие от современных заведений, где начинку протирают в однородную безликую пасту, здесь свято чтители старые традиции: пирожок начиняли тончайшей соломкой из таро. Под хрустящей, поджаристой корочкой скрывалась упругая, волокнистая масса, сохранившая приятную текстуру. Сбалансированная солоновато-острая приправа придавала начинке особый пикантный характер, раскрывающийся с каждым новым укусом.

Подобный утренний перекус можно найти на любом углу Юнцина, но старожилы рынка знали особые секреты. Никаких бездушных полуфабрикатов из глубокой заморозки, которыми грешат сетевые кофейни. Только парные продукты, верность старинным рецептам и тепло рук мастера. Горячая сытная пища мгновенно разогнала остатки сна, наполняя тело бодростью и силой.

«Да я же нищий», — уныло констатировал Тинчжоу, закончив нехитрые подсчеты.

В прошлой жизни, будучи тридцатидвухлетним главой многомиллиардной Пищевой компании Цзян, он ворочал колоссальными суммами. На этом фоне жалкий миллион казался сущими копейками.

С другой стороны, если жить скромно и не шиковать, этой суммы должно было хватить с лихвой.

Обветшалость старого квартала Юнцина имела свои неоспоримые плюсы — цены здесь застыли на уровне прошлого десятилетия. Три пирожка и порция соевого пудинга обошлись ему всего в пять юаней. В престижных кварталах нового города за такой скромный набор содрали бы втрое больше, а вкус наверняка оказался бы блеклым и безликим.

Тинчжоу не спеша доел завтрак, наблюдая, как рассветные лучи постепенно разгоняют ночную мглу.

Прежде утро понедельника превращалось для него в безумную гонку.

В бытность шеф-поваром, несмотря на то что ресторан не предлагал завтраков и открывался только в половине одиннадцатого, он поднимался ни свет ни заря. В половине седьмого утра Тинчжоу уже стоял у черного входа, лично принимая партии свежайших продуктов. Затем следовала утренняя планерка, после которой начиналась долгая, кропотливая подготовка сложных, требующих времени блюд. Настоящий конвейер, не останавливающийся до глубокой ночи.

Позже, когда он вошел в совет директоров компании Цзян, лавина бесконечных дел накрыла его с головой. Привычка просыпаться на рассвете въелась в плоть и кровь, превратившись в незыблемый биологический закон.

Но сегодня все было иначе. Начинался совершенно новый этап его жизни.

Лихорадка отступила без следа, унося с собой слабость и ломоту в костях. Горячий плотный завтрак вернул телу былую легкость. Он чувствовал себя абсолютно здоровым.

Расплатившись, он заказал еще один точно такой же комплект и поспешил обратно к Ань Сяопину. Тот как раз успел подняться и теперь, лениво зевая, плескал в лицо холодной водой из-под крана.

Сяопин все еще учился в университете. Первая пара по понедельникам начиналась в десять утра, а дорога до соседнего города Шаньин занимала добрых три часа. Юноша спешно натягивал куртку, на ходу впиваясь зубами в сочную креветочную лепешку.

— О боги, как вкусно! — промычал он с набитым ртом. — Наша столовка и рядом не стояла.

Проглотив кусок, он с любопытством взглянул на Тинчжоу:

— Гэ, ты тоже уже уходишь?

Тинчжоу сверился с часами.

— Да. Давай выйдем вместе.

Этот закуток Старого района почти опустел — большинство прежних обитателей давно перебрались в современные новостройки. У подножия горы Гуаньинь воздух казался удивительно чистым, с легким, едва уловимым сладковатым привкусом. Склоны холма тонули в густой изумрудной зелени. Рассвет окончательно вступил в свои права, обнажив величественный силуэт древней пагоды буддийского храма на самой вершине. Окутанная легкой сизой дымкой, она высилась безмолвным стражем здешнего покоя.

Воздух вздрогнул от первого удара утреннего колокола. Низкий, бархатистый гул, плывущий со стороны храма, не нарушал тишины, а лишь подчеркивал вековое величие этого уединенного места, даруя душе редкое умиротворение.

«Идеальное местечко, чтобы встретить старость», — невольно подумал Тинчжоу.

Но стоило им дойти до конца мощенного булыжником переулка, как пасторальная идиллия дала трещину. У самого выезда из квартала, вызываясь сверкая лаком, выстроились два

роскошных «Майбаха».

Тинчжоу хватило одного взгляда, чтобы узнать эти машины. Семейный автопарк Лу.

Около головного лимузина переминался с ноги на ногу личный шофер Лу, лицо которого показалось Тинчжоу хорошо знакомым. Завидев молодых людей, водитель поспешно распахнул заднюю дверцу. Судя по всему, ждал он здесь уже долго.

— Молодой господин Цзян, мне поручено доставить вас на заседание совета директоров, — вежливо произнес мужчина. — А вторая машина отвезет вашего друга, куда потребуется.

— Спасибо, я доберусь на такси, — сухо ответил Тинчжоу.

— В этих трущобах ловить машину — пустая затея, — примирительно улыбнулся водитель, почтительно склонив голову. — К тому же сегодня решаются дела компании, так что моя обязанность — доставить вас в целости и сохранности. Пожалуйста, не губите мою карьеру, господин Цзян. Я ведь человек подневольный. Если вернусь без вас, хозяева с меня три шкуры спустят.

Спорить не имело смысла. Дорога в тупике была слишком узкой: даже если бы им удалось вызвать такси, машина просто не смогла бы здесь развернуться из-за габаритных немецких седанов. Не желая тратить драгоценное время на пустые препирательства, Тинчжоу молча кивнул Ань Сяопину, и они разошлись по машинам.

Салон автомобиля был знаком ему до мельчайших деталей. Именно на этой машине Лу Байюй чаще всего забирал его после работы. В воздухе плыл тонкий аромат его любимого парфюма, на кожаном сиденье сиротливо лежал забытый некогда пиджак, а в кармане переднего кресла обнаружился рабочий ноутбук, который он держал при себе на крайний случай.

Немного поколебавшись, Тинчжоу достал портативный компьютер.

Шофер краем глаза наблюдал через зеркало заднего вида, как пальцы молодого человека около двадцати минут стремительно порхали по клавиатуре. Когда Тинчжоу наконец с негромким щелчком захлопнул крышку ноутбука, водитель осторожно поинтересовался:

— Дела не ждут, господин Цзян? Совсем себя не бережете, все в трудах.

— Ничего страшного, — отозвался Тинчжоу. — Нужно было подправить пару пунктов в документах к собранию. Веди, пожалуйста, поровнее.

— Сделаем в лучшем виде! — бодро отозвался тот.

Изначально он планировал завершить подготовку отчета уже в офисе компании Цзян, но раз уж выдалась свободная минута, решил закрыть этот вопрос немедленно. Закончив с делами, Тинчжоу откинул голову на мягкий подголовник и мгновенно провалился в чуткий сон. Когда лимузин мягко затормозил перед сверкающим фасадом штаб-квартиры Пищевой компании Цзян, часы показывали ровно восемь сорок утра.

Разбуженный тихим голосом водителя, он не сразу сообразил, где находится. Слегка взъерошив пятерней заспанные волосы и кое-как приведя себя в порядок, Тинчжоу выбрался наружу, все еще щурясь от яркого утреннего света.

Стоило ему ступить на тротуар, как перед ним соляным столпом вырос управляющий Ян. Его лицо, обычно неподвижное, словно маска из сухой древесины, украшали свежие ссадины. Но стоило мужчине завидеть Тинчжоу, как его потухший взгляд мгновенно воспламенился надеждой.

Он стремительно сократил дистанцию и протянул Тинчжоу то, что до этого судорожно сжимал в кулаке — массивную награду в форме поварской ложки величиной с ладонь.

— Я вернул ее, — хрипло выдохнул Ян. — Господин Цзян, она снова ваша.

Судя по его взмыленному виду и разбитому лицу, реликвию он не «нашел», а буквально выгрыз зубами у прежних владельцев, словно от этого куска металла зависела его собственная жизнь. В его манерах и взгляде теперь сквозило глубокое, почти благоговейное почтение к молодому преемнику.

Впрочем, Тинчжоу не интересовали подробности этой потасовки.

Награда была выполнена искусной ручной работой. Сама чашечка ложки, вырезанная из молочно-белого нефрита, испускала мягкое, благородное сияние. Массивная рукоять из черненого золота весила прилично и приятно оттягивала руку. Тинчжоу несколько раз обернул крепежный шнурок вокруг запястья, поудобнее перехватил увесистый трофей пальцами и уверенно зашагал к дверям офиса.

Управляющий Ян подскочил к лифтовой панели, упреждая его движение, нажал на кнопку вызова и засеменил следом за ним в кабину, торопливо нашептывая на ухо:

— Сегодня собрался весь цвет. Семья Лу явилась в полном составе: госпожа Цинь привела Лу Цзяхэ. Даже ваша матушка соизволила прийти.

Тинчжоу удивленно вскинул брови:

— Мама?

— Да, — подтвердил Ян. — Она заявила, что желает лично изучить все документы, подготовленные к утверждению, включая финансовые отчеты обеих торговых точек за первый квартал. Сам господин Цзян не посмел ей перечить. Но в кулуарах поговаривают, будто победа уже в кармане у... Цзян Ю. Кажется, большинство членов правления давно обо всем договорились. Ваша матушка слишком много лет не совалась в дела корпорации. Навряд ли она разглядит подвох в этих цифрах, а даже если и поймет что-то — станет ли она устраивать скандал прилюдно? Тинчжоу, дружище, тебе лучше подготовить себя к худшему исходу.

Тинчжоу лишь молча качнул головой в знак согласия.

Кабина лифта плавно скользила вверх. Когда двери с тихим шелестом разъехались на нужном этаже, Тинчжоу вышел в просторный холл. Официальная часть заседания еще не началась, и все приглашенные коротали время в смежном VIP-зале.

Стоило ему сделать несколько шагов по мягкому ковру коридора, как до ушей долетели звонкие голоса. Один из них, слащавый и вкрадчивый, безошибочно принадлежал Цзян Ю.

—...Цзяхэ, не казни себя так. Все ведь знают, насколько строг дядя Лу. Для дебютанта твои показатели — более чем достойный результат. Впереди еще уйма времени, чтобы развернуться, — лился из-за приоткрытой двери елейный голос брата. — Я верю в тебя. И помни: ты не один, у тебя есть я. Да и наши общие друзья всегда готовы подставить плечо. Правда ведь, тетушка Цинь?

Следом раздался громогласный бас Лу Цзяхэ — сводного брата Лу Байюя. Этот парень никогда не отличался умением говорить тихо, так что Тинчжоу без труда расслышал каждое слово, даже не приближаясь к порогу.

— Сяо Ю, золото ты мое, если бы не твоя идея с закупкой рекламы у блогеров, отец сожрал бы меня без соли, — разразился жалобами Цзяхэ. — Ладно бы просто поворчал — к его вечным придирам я с пеленок привык. Но он ведь опять принялся сравнивать меня с братом! Хоть бы раз подумал своей головой: разве простому смертному тягаться с этим идеальным созданием?

Сорокапроцентный пакет акций компании Цзян, принадлежащий семейству Лу, был официально записан на имя младшего отпрыска, так что присутствие Лу Цзяхэ в совете директоров являлось юридической необходимостью.

Парень явно пребывал в дурном расположении духа, и один из миноритарных акционеров, спеша выслужиться перед богатым наследником, тут же запел соловьем:

— И то верно, почтенный Лу! Настоящая дружба познается в деле. А уж когда господин Цзян Ю официально займет кресло вице-президента, наши компании свяжут и вовсе нерушимые узы. Такое партнерство обречено на многовековой успех!

Лесть возымела действие — Цзяхэ заметно повеселел и дружески хлопнул Цзян Ю по плечу.

— По рукам. Как только закончится эта скукотень, снимем отдельный кабинет в ресторане и закатим пир горой. Отпразднуем твое назначение!

Собрание акционеров еще даже не объявили открытым, а будущие триумфаторы уже вовсю делили шкуру неубитого медведя. В комнате царила атмосфера редкого единодушия и тепла — особенно трогательной выглядела идиллия между Цзян Ю и Лу Цзяхэ.

Глядя на них из своего «послезнания», Цзян Тинчжоу испытывал лишь ироническое недоумение. В своей прошлой жизни он так и не смог разгадать загадку их союза. Сейчас они казались неразлейвода. Позже влюбленный по уши Цзяхэ пойдет против воли могущественного клана Лу, во всеуслышание объявит об их связи и устроит грандиозный бунт на семейном совете... чтобы через пару лет расстаться с Цзян Ю навсегда. Причем их разрыв окажется настолько грязным и яростным, что на его фоне тайные, стыдливые отношения самого Тинчжоу с Лу Байюем покажутся верхом благородства.

«Пути господни неисповедимы», — мысленно усмехнулся Тинчжоу.

Откинув лишние мысли, он уверенно нажал на дверную ручку и шагнул внутрь, бесцеремонно нарушая приторную гармонию чужого праздника.

<http://bllate.org/book/19956/1995101>